УДК 1(091):316.351

МАССА, СООБЩЕСТВО, ОБЩНОСТЬ

Г. Д. Гурвич, М. Ю. Загирняк[1]

Исследовательская статья Георгия Гурвича подводит итог парижскому периоду его научной деятельности и знакомит аглоязычного читателя с полученными в этот период результатами. Гурвич анализирует степени сплоченности различных социальных групп и показывает связь сплоченности групп и социальности, или социабельности, индивидов, составляющих эти группы. Первый перевод на русский язык этой статьи, а также ее англоязычный оригинал снабжены примечаниями публикатора, раскрывающими историко-идейный контекст формирования теории социабельности Гурвича и обстоятельства возникновения данной статьи.

***Ключевые слова**: социабельность, социальность, масса, сообщество, общность, социальные группы, философия русского зарубежья*

Массы, сообщества и общности нередко отождествляются с конкретными группами и существующими в реальности коллективами. Так возникла тенденция путать массу с толпой (Лебон[1*]; а Шелер путал ее даже со стадом[2*]!), сообщество — с живущими на одной территории группами (Макайвер[3*]; Тённис[4*] смешивал их с первобытной фазой общественной жизни), общину с Церковью. Цель данного исследования — продемонстрировать, что такое отождествление не только неприемлемо, но и ведет к пренебрежению серьезными проблемами социальной психологии, связанными с упомянутыми феноменами.

Массы, сообщества и общности — это в первую очередь состояния коллективного сознания и соответствующее социальное поведение. Все

[1] Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.
Поступила в редакцию: 10.11.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-7
Перевод выполнен с разрешения редакции журнала «The Journal of Philosophy» по изданию: (Gurvitch, 1941a).

MASS, COMMUNITY, COMMUNION

G. Gurvitch, M. Yu. Zagirnyak[1]

Georges Gurvitch's research paper summarises the Paris period of his scientific activity and introduces the results obtained during this period to the anglophone reader. Gurvich analyses the degrees of cohesion of various social groups and shows the relationship between group cohesion and the sociality (or sociability) of the individuals who make up these groups. The first Russian translation of this article, as well as its English-language original, are provided with the publisher's notes, revealing the historical and ideological context of the formation of Gurvitch's theory of sociability and the circumstances of the emergence of this article.

***Keywords**: sociability, sociality, mass, community, communion, social groups, philosophy of the Russian Abroad*

Masses, communities, and communions have often been identified with particular groupings, real collective units. Thus it has become current to confuse a mass with a crowd (Le Bon;[1*] Scheler even confused it with a herd![2*]), a community with groups based on locality (MacIver;[3*] Tönnies[4*] even confused it with the primitive phase of social life), a communion with the Church. The purpose of this study is to show that this identification is unacceptable and leads to the fact that the most important problems of social psychology which are posed relative to these phenomena are overlooked.

Masses, communities, and communions are in the first place states of collective mind and its corresponding social behavior. They all

[1] Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.
Received: 10.11.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-7
The text of Gurvitch's article is reprinted with the permission of "The Journal of Philosophy" editors (cf. Gurvitch, 1941a).

они являются неустойчивыми элементами, которые почти всегда присутствуют в целостности любой реальной группы, представляющей собой синтез, некое подвижное равновесие разных типов поведения и разных состояний коллективного сознания, обусловленных специфическими закономерностями. Массы, сообщества и общности возникают и сочетаются между собой разными способами в разных группах и в разные моменты времени. Это своеобразные «социальные электроны», способы бытия, связанные в единое целое и с помощью целого, «формы социальности», из которых состоит любое коллективное образование[2]. В этом смысле проблемы масс, сообществ и общностей существуют на уровне «микросоциологии»[3], которую не стоит путать с «макросоциологией» во избежание серьезных ошибок и чрезмерных упрощений. Макросоциология изучает мир групп и глобальных обществ, каждая и каждое из которых представляет собой микрокосм форм социальности.

Масса, сообщество и общность — это виды общей формы социальности, соответствующие различным способам взаимопроникновения или частичного слияния в целое. Такие формы социальности противопоставляются социальности, обусловленной обычной взаимозависимостью между мной, тобой и им, то есть простым вступлением в «отношения с другими». Существуют социальные связи, подразумевающие, что сознания общаются между собой исключительно символами или опосредованными знаками. Есть и иные случаи, в которых имеет место непосредственное внутреннее единство умов и сопряжение поведений. Такое единство — результат частичного слияния сознаний, между которыми происходит взаимное проникновение. Символы при этом играют лишь второстепенную роль: в таких случаях они скорее средства выражения, чем инструменты объединения.

[2] Ср. идеи, изложенные в моем «Эссе о социологии» (Gurvitch, 1938б, p. 11—112). — *Здесь и далее примеч. авт.*

[3] Ср. мои размышления о микросоциологии в упомянутой работе «Эссе о социологии» (Ibid.), «Элементы юридической социологии» (Gurvitch, 1940) и в статье «Основные проблемы социологии права» (Gurvitch, 1941б).

represent unstable elements virtually always present in the unity of a real group, the latter constituting a synthesis, a certain mobile equilibrium among different kinds of behavior and different collective mental states according to the specific patterns. Masses, communities, and communions enter and combine in different groups and at different moments of their existence in a variety of ways. They are, so to speak, "social electrons", modes of being bound into the whole and by the whole, "forms of sociality" of which any real collective unit[2] is composed. In this sense, the problems of mass, community, and communion arise in "microsociology",[3] which must not be confused with "macrosociology", in order to avoid grave errors and over-simplifications. Macrosociology is the study of the world of groups and of global societies, each of which are microcosms of the forms of sociality.

Mass, community, and communion represent different species of the generic form of sociality due to different modes of interpenetration or partial fusion in a whole. Such forms of sociality are opposed to sociality by simple interdependence between me, you, or him — a mere entering into "relations with others". In fact, there are social links where minds communicate exclusively through symbols or mediate signs. There are other cases where direct inner union among minds as well as among behaviors takes place; such union is a partial fusion between minds through an actualized interpenetration, where the symbols play only a secondary role. In such instances, the symbols represent the expressions rather than the instruments of unification.

[2] *Cf.* on this subject my *Essais de Sociologie*, Paris, 1938, pp. 11-112 [Gurvitch, 1938b].

[3] *Cf.* on the subject of "microsociology", my *Essais* cited above and my *Éléments de Sociologie Juridique*, Paris, 1940, *passim* [Gurvitch, 1940], and my article "Major Problems of the Sociology of Law", *Journal of Social Philosophy*, Vol. 6 (1941), pp. 197-215 [Gurvitch, 1941b].

Когда символы ложатся в основу социальной связи, то сознания и поведения, хотя и связываются тем, что оперируют одинаковыми знаками, остаются более или менее закрытыми друг для друга: их объединяет только коммуникация. Но когда единение сознаний и сопряжение поведений оказывается сильнее, чем символы[4], сознания проникают друг в друга с разной степенью глубины и интенсивности. Тем самым возникает имманентное целое. Интеграция и координация, взаимное проникновение и взаимная зависимость, «интуитивный союз» и «коммуникация» исключительно на основе символов — все это проявления противопоставления двух наиболее базовых форм социальности, выражаемых местоимением «мы», с одной стороны, и «он» и «они» — с другой.

Рассмотрим несколько примеров. Никто не станет отрицать роль, которую язык играет в *сближении* умов так же, как и поведений, и в их внутреннем объединении. (Хорошо известен вклад языка в формирование национального единства.) Но чтобы знаки языка оказывали одно и то же воздействие на всех его носителей, чтобы сам язык мог существовать, ему должно предшествовать единение умов на основе ранее сложившего «мы». Язык не является основой частичного слияния в «мы», потому что первый предполагает наличие последнего. Напротив, в случае простой коммуникации между мной, тобой, им, ими такая связь невозможна без слов, жестов, заявлений, внешних знаков, целенаправленного поведения (например, вступления в договорные отношения). В рамках тех связей, где заинтересованные стороны разграничивают свои сферы деятельности, символы являются инструментами как самой связи, так и критериев разграничения.

Ниже я рассмотрю только тот вариант «мы», который не имеет символической основы.

Частичное слияние поведений и открывающихся друг другу умов, взаимно проникающих

[4] Мне посчастливилось совпасть во мнении с доктором Гербертом Блумером[5*], который также утверждал, что социальные связи предшествуют символам. Ср. его идеи, изложенные в статье «Социальные отношения и несимволическое взаимодействие» (Blumer, 1936).

When the symbols are the chief base of social connection, the minds as well as behaviors, though they converge by having the same signs, remain more or less closed to each other: they have only communication common to them. But when the union among minds as well as among behaviors outweighs the symbols,[4] they interpenetrate to various degrees of depth and intensity, and thus constitute an immanent whole. Integration versus coordination, interpenetration versus interdependence, "intuitive union" versus exclusively symbolic "communication", — these are the manifestations of the opposition between the two most general forms of sociality expressed by the pronoun "we" on the one hand, and by the pronouns "him", "them", "they", on the other.

Let us consider some examples. No one will deny the importance of language for *rapprochement* among minds as well as among behaviors and for their inner unification. (The role of language in the formation of national unity is well-known). But in order that the signs of language may have the same effects for all who speak it, in order that language itself may come into being, it must be based on a prior union of minds, on a pre-existent "we". Language is not the basis of the partial fusion of the "we", because language presupposes it. On the contrary, in the case of connection by simple communication between me, you, him, they, this connection is impossible without words, gestures, declarations, external marks, decisive behavior (such as in contractual relations). In these connections where the interested parties delimit their spheres, symbols are the instruments of the connection itself and of the criteria of delimitation.

It is exclusively with the "we", the basis of which is not symbolic, that I shall be concerned with here.

[4] I am happy to find myself here in agreement with the statement made by Dr. Herbert Blumer[5*] on the existence of social links prior to any symbols. *Cf.* his article "Social Attitudes and Non-Symbolic Interaction", *Journal of Educational Sociology*, Vol. IX (1936), pp. 515-523 [Blumer, 1936].

в рамках «мы», может происходить с разной степенью интенсивности и различаться по глубине. Если степень слияния низкая и затрагивает лишь простейшие состояния сознаний, открывающихся друг другу на поверхности и остающихся закрытыми в отношении всего более-менее глубокого и личного, социальность является *массовой*. Если происходит слияние умов, они открываются друг другу, взаимное проникновение имеет место на более глубоком и сокровенном уровне, значительная доля стремлений и поступков личности попадает в сферу действия «мы», но максимальная степень единения при этом не достигается, такая социальность соответствует *сообществу*. И наконец, высшая степень сплочения, или высшая степень «мы», возникающая тогда, когда умы максимально открыты друг другу, а в процесс слияния вовлекаются самые глубины «я», соответствует *общности*.

Перед тем как перейти к подробному анализу масс, сообществ и общностей, необходимо рассмотреть связь между этими тремя степенями взаимного проникновения и общественным *давлением*. Вопреки возможным ожиданиям, *не существует прямой зависимости между интенсивностью слияния и силой давления*. Именно когда слияние сознаний (а также сопряжение поведений) наиболее поверхностно, а глубинные уровни взаимодействия остаются закрытыми, то есть в случае массы, давление коллективного сознания на индивидуальное «я» наиболее выражено. И наоборот, чем в большей степени частичное слияние сближает и консолидирует глубинные слои индивидуальных сознаний и поступков, тем меньше чувствуется давление коллективного сознания, менее заметного в сообществе, нежели в массе, а в общности — чем в сообществе. В случае общности давление либо отсутствует полностью, либо крайне незначительно.

Это наблюдение имеет огромное значение для дискуссии вокруг проблем соотношения «социального» и «индивидуального». Когда превозносится внутренняя жизнь человека в противовес экзогенной общественной жизни, когда индивида призывают возвратиться к себе и тем самым освободиться от давления, то есть когда социальное «я» отождествляется

Partial fusion among minds opening to each other, and among behaviors interpenetrated in a "we", may appear in different degrees of intensity and depth. When the fusion is very weak and only integrates superficial states of consciousness which open only at the surface and remain closed with regard to what is more or less profound and personal, sociality is *mass*. When minds fuse, open out, and interpenetrate on a deeper and more intimate plane, where an essential part of the aspirations and acts of personality is integrated in the "we" without, however, attaining the maximum of intensity in this integration, sociality is *community*. When, finally, this most intense degree of union or of "we" is attained, that is, when the minds open out as widely as possible and the least accessible depths of the "I" are integrated in this fusion (which presupposes states of collective ecstasy), sociality is *communion*.

Before beginning a more detailed analysis of mass, community, and communion, it seems to us indispensable to emphasize the relation of these three degrees of interpenetration to the problem of social pressure. *The intensity of the fusion and the strength of the pressure do not correspond*, contrary to what might be supposed. In fact, precisely where the fusion among minds (as well as among behaviors) is most superficial, and where their deepest layers are closed in relation to each other, that is, in the mass-phenomenon, the pressure of the collective mentality on the individual "I" is strongest. Inversely, the more the partial fusion of minds blends and integrates the deep layers of individual consciousness and actions, the less the pressure of collective mentality makes itself felt; it is less strong in community than in mass, it is weaker in communion than in community, so much weaker that no pressure, or almost none, is experienced.

This observation is extremely important for the discussion of the problem of the rela-

с «поверхностным я» и противопоставляется «глубинному я» (см. большинство работ Бергсона, кроме «Смеха», и недавние сочинения Хайдеггера[6*]), совершается вопиющая аналитическая ошибка. Не только вся общественная жизнь абсолютно произвольно приписывается массе (безымянным «им», хайдеггеровскому «das Man»[7*]), являющейся лишь одной из форм социальности, но и игнорируется сам факт того, что чем сильнее и интенсивнее социальное, тем менее оно репрессивно и экзогенно. Потому что в последнем случае оно проникает в глубинные, сокровенные структуры «я», соединенного внутренней связью с «я» других людей. Другими словами, «взаимообратимость перспектив» социального и индивидуального[5], что присуще любой спонтанной социальности[6], оказывается полной при любой степени

[5] Представление о «взаимообратимости перспектив» социального и индивидуального, то есть факт того, что коллективное и индивидуальное сознание — лишь два абстрактных аспекта конкретного ментального целого, становится общепринятым в современной социальной психологии. В США данное направление наметил Дж. Г. Мид (см. «Разум, Я и Общество» (Mead, 1934, p. 7, 112, 196, 222—226); а также Э. Фэрис «Природа человеческой натуры» (Faris, 1937, p. 155)). Дж. Ф. Браун в своем труде «Психология и социальный порядок: введение в динамическое исследование социальных полей» (Brown, 1936, p. 77, 280—281, 299—300) приходит к схожим выводам в рамках выведенной им «теории поля», основанной на «гештальтпсихологии». В Германии Теодор Литт в работе «Личность и сообщество. Основа философии культуры» (Litt, 1926) писал об обоюдной имманентности и единосущности коллективного и индивидуального сознания. Во Франции же автор данной статьи отстаивал тезис о «единстве восприятия» в контексте конкретных проблем (см. «Эссе о социологии», 19 (Gurvitch, 1938б)). Наиболее авторитетные и независимые социологи, последователи Дюркгейма, М. Мосс (M. M. Mauss «Psychologie et Sociologie» в «Journal de Psychologie», 1926, p. 899—922) (см.: Mauss, 1924; уточнено. — *М.З.*) и М. Хальбвакс («Причины самоубийства») (Halbwachs, 1930, p. 12—13, 405—406, 449—450) также склонялись к этой точке зрения, отринув дюркгеймовскую концепцию трансцендентности коллективного сознания[8*].

[6] Организованная социальность противопоставляется спонтанной социальности. Первая включает в себя только организованные сверхструктуры, выкристаллизованные схемы коллективного поведения, иерархически упорядоченные и централизованные в соответствии с заранее установленными закономерностями, которые налагают ограничения и применяют санкции (которые следует отличать от простого давления). Здесь конфликт между социальной структурой и индивидуальным сознанием более реален, а «единство восприятия» менее выражено, чем в случае спонтанной социальности (ср. мои размышления в «Эссе о социологии» (Gurvitch, 1938б, p. 61—67).

tion between the "social" and the "individual". When the "inner" life of a person which is opposed to the externality of the social life is exalted, when the individual is called upon to return to himself in order to become emancipated from pressure, briefly, when the "social I" is characterized as the "superficial I", as opposed to the "profound I" (as by Bergson, in most of his works, except *Le Rire*, and more recently by Heidegger[6*]), a flagrant error of analysis is committed. For not only is the entire social life thus identified in a completely arbitrary fashion with the mass (the anonymous "they", "Mr. Everybody" of Heidegger[7*]) which is only one of the many forms of sociality, but the essential fact is ignored that the stronger and more intense the social is, the less is it oppressive and external. For then it penetrates the depth and intimacy of the "I" which finds itself internally joined to the other "I's". In other words: the "reciprocity of perspectives" between the social and the individual,[5]

[5] The "reciprocity of perspective" between the "social" and the "individual", the fact that collective mind and individual consciousness are only two abstract aspects of the same concrete mental whole, is more and more recognized in contemporary social psychology. In the United States the thorough analyses of G. H. Mead have shown this direction. (Cf. particularly G. H. Mead, *Mind, Self and Society*, 1934, pp. 7, 112, 196, 222-226; see also E. Faris, *The Nature of Human Nature*, 1937, pp. 155 and following). Mr. J. P. Brown in his book *Psychology and the Social Order* (1936, pp. 77, 280 f, 299-300), arrives in his "field theory" based on "Gestalt psychology" at more or less analogous results. In Germany the work of Theodor Litt, *Individuum und Gemeinschaft*, III ed., 1926, emphasized the reciprocal immanence and the consubstantiality of collective and individual mind. In France, the present writer defended the thesis of the "reciprocity of perspectives", applying it to concrete problems (*cf. Essais de Sociologie*, 1938, *passim*). The most important and the most independent sociologists who continued the work of Durkheim, M. M. Mauss ("Psychologie et Sociologie" in the *Journal de Psychologie*, 1926, pp. 899-922) [*cf.* Mauss, 1924; the reference is corrected — M.Z.] and Halbwachs (*Les Causes du Suicide*, 1930, pp. 12 ff, 405 ff, 449 ff) [*cf.* Halbwachs, 1930] leaned strongly toward this point of view, abandoning the Durkheimian conception of the transcendence of collective mind.[8*]

слияния в «мы». Массе, наиболее поверхностному проявлению «мы», соответствует «человек массы», наиболее поверхностное проявление личности. А сообществам и общностям, более глубоким проявлениям «мы», соответствует человек сообщества и общности, являющийся более глубоким проявлением личности.

Давление происходит как в социальной реальности, так и внутри индивидуального сознания, как одновременно, так и параллельно. С одной стороны, феномен социального давления является проблемой не отношения индивидуального и социального, а отношения разных форм социальности: массы оказывают давление на общность. С другой — в то время как разные формы социальности оказывают давление друг на друга, поверхностное «я» человека массы давит на индивидуальное сознание глубинного «я» человека сообщества, который, в свою очередь, оказывает давление на еще более глубокое «я» человека общности.

Следовательно, каждый так называемый конфликт между коллективным сознанием и индивидом в сущности может быть описан в тех же терминах, что и конфликт между разными уровнями коллективного сознания или разными уровнями сознания индивидуального. Иллюзия конфликта между обществом и индивидом возникает из-за того, что здесь мы сталкиваемся с разноуровневыми проявлениями сознания. В частности, мы забываем, что глубинный уровень индивидуального сознания всегда в конфликте с массами. При этом глубинный уровень коллективного сознания (общность) находится с массами ровно в том же отношении. Следовательно, конфликт между разными уровнями сознания, проявляющийся как в коллективной, так и в индивидуальной форме, смешивается с несуществующим в реальности конфликтом между общественным и индивидуальным.

Масса. Из трех степеней сплочения и давления социальности, возникающей в результате частичного слияния в «мы», наиболее подробного комментария требует масса, характеризуемая наименьшей интенсивностью и наибольшим давлением.

characteristic of all spontaneous sociality,[6] remains complete in all the degrees of intensity of the "we". To the mass, which is the most superficial manifestation of the "we", corresponds the "man of the masses" — the most superficial manifestation of the person; to community and communion which are more profound manifestations of the "we", correspond the men of the community and of the communion, who constitute a more profound manifestation of personality.

Pressure unfolds itself at the same time in social reality as in the interior of the individual consciousness and in a simultaneous and parallel manner. Thus, on the one hand, the phenomenon of social pressure is not a problem of the relation between the individual and the social, but of the relation among different forms of sociality: it is the masses that exert pressure on communion. On the other hand, at the same time that these pressures are exerted on each other by different forms of sociality, the superficial "I" of the man of the masses exerts pressure within his individual consciousness on the more profound "I" of the man of the community, who, in turn, exerts pressure on the still more profound "I" of the man of communion.

All these considerations show that each so-called conflict between collective mind and the individual can be translated into terms perfectly parallel to the conflict among different levels of collective mind, and among the different levels of individual consciousness. The illusion of a conflict between society and individual arises here because of the fact that we are facing man-

[6] Organized sociality is the opposite of spontaneous sociality. It involves the organized superstructures only, the crystallized schemas of collective behavior hierarchized and centralized according to patterns fixed in advance, which impose constraints and sanctions (to be distinguished from simple pressures). Here the conflicts between the social structure and the individual consciousness are more real and the reciprocity of perspective is no longer present with the same actuality as in spontaneous sociality (*cf.*, my *Essais de Sociologie*, pp. 61-67).

Этот термин часто употребляется в значении, отличном от принятого в данной статье: нередко массы отождествляются с определенным типом группы — толпой (таким образом выражается некоторое презрение к обоим явлениям, которые тем не менее различны). Иногда термин «массы» понимается в смысле статичной системы координат. Разберем эти превратные представления. В нашем понимании масса — это не какое-то большое число, фиксируемое статистическими методами, как, например, число суицидов, число безработных, число потребителей, избирателей, подписчиков или читателей газеты и т.д. Статистические вычисления имеют дело с абстрактными и итоговыми суммами, количествами и средними значениями, а не живой социальной реальностью. Как форма социальности, масса, характеризуемая наименьшей интенсивностью «мы», не имеет ничего общего со статистическими суммами, особенно вследствие того, что последние отражают социальную макрофизику (в частности, морфологию материального субстрата общества), в то время как различные проявления «мы» соотносятся с социальной микрофизикой и связаны с коллективной психологией.

Кроме того, со времен Лебона, известного недостаточной аналитической скрупулезностью и отождествлением масс, толп, наций, рас, классов, судов присяжных и т.д., термины «скопление людей», «толпа» и «масса» нередко смешиваются. Тем не менее такое отождествление чревато ошибками. Скопления людей, частным случаем которых является толпа, могут и не образовывать коллективную единицу (как, например, не образуют ее люди, прогуливающиеся по улице). Но они могут составлять и группы совершенно иного типа (те же прогуливающиеся в случае паники станут толпой, а идущие на политическую демонстрацию будут представлять гораздо более сплоченную группу — политическую партию). В той мере, в какой скопление людей является группой, оно будет, как и любая коллективная единица, связано с множественными формами социальности, проявляющимися в разной мере. Толпа, наименее стабильная, временная группа, мо-

ifestations of mind which are not situated on the same level. We forget that if, for example, the deeper layer of individual consciousness is in perpetual conflict with the masses, the deepest layer of collective mind (communion) is in the same situation in respect to the masses. Thus, the conflict among the different levels of mind, equally apparent in collective as in individual form, is confused with a conflict, in reality non-existent, between the social and the individual.

Mass. Among the three degrees of intensity and of pressure of sociality by partial fusion in a "we", the mass, the weakest degree in intensity and the strongest in pressure, will require the most detailed explanation. This term is often employed in a sense different from ours: sometimes the masses are identified with a type of group — the crowd — expressing a certain contempt for these two phenomena, which are moreover quite distinct; sometimes the term "mass" is conceived in the sense of a statistical frame of reference. We must first eliminate these misunderstandings. Mass, in our sense, is not the high number established by statistics: the number of suicides, the number of unemployed, the number of consumers, of voters, of newspaper subscribers or readers, etc. Statistical calculations are concerned with abstract and built-up sums, quantities and calculated averages, and not with a living social reality. Mass, as a form of sociality, as the least intense degree of the "we", therefore, has nothing to do with statistical sums; especially since the latter arise from social macro-physics, and in particular from the morphology of the material substratum of society, while the different manifestations of the "we" are related to social micro-physics and are tied up with collective psychology.

In addition, ever since Le Bon, whose lack of analytic precision is well known and who spoke confusedly of masses, crowds, nations,

жет достигать степени единения, свойственной общности (например, когда люди объединяются, чтобы помочь другим в беде или когда ими движет гнев, испытываемый по одной и той же причине). Так может сформироваться и более устойчивая и привычная «масса».

Следовательно, термины «масса», «толпа» и «скопление людей», не будучи идентичными, все же пересекаются. Некоторые скопления не являются ни толпами, ни массами; некоторые толпы не являются массами; наконец, массовый элемент, присущий всем типам групп, даже наиболее стабильным, не всегда свойствен скоплению людей (см. с. 141).

Еще более ошибочным было бы отождествлять социальность массы со «стадом», движимым простым заражением (Шелер). В основе массы, равно как сообщества и общности, лежат коллективные интуитивные представления, свойственные исключительно человеческим существам. Поверхностный характер и слабость таких представлений не меняют того факта, что социальный мир значительно отличается от животного мира. И подобные определения массы преследуют лишь одну цель — выразить презрение к ней, которое, как будет показано ниже, не может быть обосновано ни с социологической, ни с моральной точки зрения. В схожем направлении мыслил и Лебон, ошибочно отождествлявший массу с толпой.

Кроме того, степень сплоченности группы находится в прямой пропорции к ее объему: чем более сплочена группа, тем она меньше, а чем больше группа, тем менее она сплочена. Поэтому общность возникает в малых группах (скорее внутри секты, чем церкви; скорее внутри профсоюза, чем федерации профсоюзов, и т.д.), а социальность, нашедшая выражение в массе, может распространяться на широкие объединения и чаще всего реализуется в самых многочисленных группах.

Завершая описания феномена массы, мы можем только добавить несколько слов о неупорядоченных и упорядоченных массах — разraces, classes, juries, etc., the terms “gathering”, “crowd”, and “mass” are often identified. However, such an identification implies several errors. Gatherings, of which crowds are only one kind, may be such that they will not comprise real collective units (for example, strollers in the street); they may comprise completely different kinds of groups (for example, the same strollers in a panic would form a crowd, or these strollers on the way to a political demonstration would give expression to a much more integrated group, a political party). In so far as a gathering is a real group, it implies, like every real collective unit, a multiplicity of forms of sociality with different degrees of actuality. The crowd, the most unstable and temporary group there is, for example, might as well intensify its unity up to the point of communion (for instance, by uniting to save someone in distress, or simply by sharing in the same anger), so as to form the more current and common “mass”.

Thus, far from being identical, the terms “mass”, “crowd”, “gathering” cut across each other. There are gatherings that are neither crowd nor mass; there are crowds that are not masses; finally, the mass element which is present in all kinds of groups, even the most stable, by no means needs to be expressed in a gathering (see p. 141).

It would be still more erroneous to identify sociality as mass with a “herd”, which moves by simple contagion (Scheler). Mass is based, as is community and communion, on collective intuitions of which only human beings are capable; the superficial character and actual weakness of these intuitions do not change the fact that the social world is clearly distinct from the animal world. The sole purpose of such a characterization of mass is to indicate a contempt for it, which can not be justified, as we shall see, either sociologically or morally. This was also the tendency of Le Bon, who so unhappily confused masses with crowds.

личии, проводимом фон Визе[9*] и Гейгером[10*, 7], которые тем не менее не смогли дать им четкого определения. Неупорядоченная масса (очевидным образом отличная от большого количества или статистической суммы, так как является формой социальности, достигаемой путем взаимного проникновения и частичного слияния сознаний) — это и есть нормальное, привычное проявление феномена массы: такова масса недовольных, бедных, безработных, объединенных осознанием схожести своего положения и интересов. То же относится к массе ксенофобов, образованных мужчин, читателей некоей газеты, «широкой публике», массе, одинаково реагирующей на определенные события, и т.д. И только в исключительных обстоятельствах неупорядоченная масса может стать упорядоченной. И когда это происходит, упорядоченная масса проявляет себя в виде толпы, схода, демонстрации и т. д. и с высокой долей вероятности может, пусть и временно, достичь уровня сообщества или общности.

Сообщество. Сообщество характеризуется средним уровнем сплоченности и взаимного проникновения умов, а также сопряженности поведений, в пределах коллективного сознания и действий от лица «мы». Такая социальность достигается путем частичного слияния, когда устанавливается оптимальное равновесие между сплоченностью и объемом группы. Здесь наблюдается соответствие между средней степенью слияния в «мы» и средним размером группы, к которой данное «мы» относится. При этом равновесие «массы» смещается в сторону численности, а равновесие общности — в пользу интенсивности слияния. Занимая срединную позицию в плане соотношения объема и интенсивности, сообщество представляет собой средний вариант и в том, что касается давления. Сознания более открыты друг другу, а поведения переплетаются теснее, чем в случае массы. В сообществе значительная часть стремлений и убеждений разных «я» сливает-

[7] Ср. с «Общей социологией» фон Визе, второе издание, 1936 г., том 1 (см.: Wiese, 1933; уточнено. — *М.З.*), и «Толпой и действием» Гейгера (Geiger, 1926).

In addition, the intensity and the volume of unions are not directly proportional: the more intense the unions, the less wide they are, and the wider they are the less intense they are. This is why communion usually occurs only in very restricted circles (for example, rather in a sect than in a church, rather in a unit of a labor union than in a federation of labor unions, etc.), while sociality as mass has the capacity to spread out to the most extensive wholes and is often most real in groups of very wide scope.

In order to complete the description of the phenomenon of mass, there remains for us only to say a few words about the distinction between unassembled mass and assembled mass, a distinction advanced by von Wiese[9*] and Geiger[10*, 7] who, however, did not succeed in stating it precisely. Unassembled mass (obviously quite distinct from a high number or statistical sum in so far as it is a form of sociality by interpenetration and partial fusion of consciousnesses) is the normal, usual manifestation of the phenomenon of mass: such as the mass of malcontents, of the poor, of the unemployed, to the extent to 'which the subjects in question are united by the consciousness of the affinity of their situation and their interests; or again the mass of alien-baiters, of learned men, of readers of the same newspaper, of the "public", or mass reacting in the same manner to certain events, etc. It is only in special and rather exceptional circumstances that the unassembled masses become transformed into assembled masses. When this occurs, assembled masses appear as crowds, meetings, demonstrations, etc., and easily raise themselves, at least temporarily, to the level of communities and communions.

Community. — Community is the average degree in intensity and depth of the interpenetration among minds as well as among be-

[7] *Cf*. von Wiese, *Allgemeine Sociologie*, II ed., 1936, Vol. I, [*cf*. Wiese, 1933; the reference is corrected — M. Z.] and Geiger, *Die Masse und ihre Action*, 1926.

ся в единое целое. Сообщество оказывает меньшее давление на индивидуальное сознание, чем масса, но большее — чем общность. Наконец, сообщество, будучи сбалансированной формой социальности, достигаемой слиянием, является и наиболее устойчивой ее формой, слабо подверженной колебаниям.

Относительная устойчивость сообществ возрастает, так как составляющие их сознания обычно открываются друг другу одновременно, обеспечивая коллективное интуитивное восприятие общественных идей и ценностей. В массе же слияние умов, остающихся закрытыми на всех уровнях, кроме поверхностного, обычно является функцией ситуаций или событий, имеющих место во внешнем, чувственно воспринимаемом мире. Поскольку коллективные ценности и идеи не изменяются вместе с внешними событиями, интуитивное восприятие первых обеспечивает устойчивость сообществ. Если к этим соображениям присовокупить тот факт, что средней степени интенсивности и глубины взаимного проникновения по упомянутым параметрам естественным образом соответствует сообщество, являющееся «промежуточным» вариантом, становится очевидным, почему последнее — наиболее широко распространенная и осязаемая форма социальности через частичное слияние. Таким образом, из трех рассматриваемых форм социальности через частичное слияние именно сообщество в наибольшей степени способно к постоянному воспроизводству в определенных коллективных единицах (например, компактно проживающих или экономических группах). А масса и общность остаются для большинства реально существующих коллективных единиц *латентными* состояниями, актуализирующимися только при определенных условиях.

Общность. Общность характеризуется самой высокой степенью интенсивности и глубины социальности, достигаемой путем взаимного проникновения и слияния. Именно в ней наиболее полно реализуются коллек-

haviors in the collective mind and acts of the "we". It is the kind of sociality by partial fusion in which the greatest equilibrium normally is established between the intensity of the union and its volume; for here there is usually a correspondence between the average unification of the "we" and the average breadth of the whole to which this "we" is related, while in mass, this equilibrium is broken in favor of the volume, and in communion, in favor of the intensity. Representing the average from the point of view of volume and intensity, community also represents the average from the point of view of pressure. The minds opening to each other more widely, and the behaviors interpenetrating more deeply than in mass, in community a larger part of the aspirations and beliefs of the "I"s is integrated, consequently, community produces less pressure on the individual consciousness than mass, at the same time that it exerts more pressure than communion. Finally, community, being the most balanced form of sociality by fusion is for this reason also the most stable form, the least subject to fluctuation.

There is a considerable increase in this relative stability because of the fact that minds in community, since they are open wide to each other, are normally open at the same time, to the collective intuition of social ideas and values; while in mass, the fusion of minds which remain closed, except at the surface, appears most often as a function of situations and events arising from the external and sensible world. Since the values and ideas seen collectively vary in a way different from that of external events, their intuitions contribute towards a greater constancy of communities. If to all these observations is added the fact that the intermediate degrees of intensity and depth of interpenetration between the points mentioned gravitate naturally about the average or community, it will be understood why the latter appears as the most widely spread, the most palpable of the

тивные интуиции, именно она соответствует «мы» самого глубокого уровня. Общность, как правило, связана с состояниями коллективного экстаза, в общем случае непродолжительными. Поэтому в современной социальной жизни общность — это лишь латентная возможность, актуализирующаяся лишь в редкие моменты. Тем не менее существует коллективные единицы исключительного характера, в которых постоянно присутствуют элементы общности, доминирующие над элементами масс и сообществ. Такими единицами являются церкви, религиозные секты, оккультные братства и другие группы, единство которых базируется на мистических интуициях, значительно отличающихся от всех остальных коллективных интуитивных представлений.

В общностях (где взаимное проникновение сознаний и сопряжение поведений достигает максимума) частичное слияние объединяет самые глубокие стремления разных «я», составляющих такую группу. Поэтому эта, наиболее интенсивная, форма социальности оказывает наименьшее воздействие на индивида. Она воплощает коллективные устремления, соответствующие наиболее сокровенным индивидуальным желаниям. Вероятно, именно поэтому в некоторые периоды считалось необходимым исключать общности из социальной жизни, сводя их к непосредственному взаимодействию отдельного индивида с божественной благодатью, святым духом или космическим целым. Так, согласно одной из христианских традиций, изложенной со своеобразными акцентами датским мистиком Кьеркегором, человеческие души могут общаться с Христом только в одиночестве, и только через Него как посредника — между собой[11*]. Бергсон в своей недавней работе «Два источника морали и религии» развивает схожую концепцию, согласно которой индивиды могут достичь общности, отстранившись от некой реально существующей группы («закрытого общества»), и в одиночестве приобщиться созиданию. Согласно Бергсо-

forms of sociality by partial fusion. It may therefore be said that of these three forms of sociality by partial fusion, community is the most capable of constant actualization in certain groups (particularly, groups based on locality, and economic groups); while mass and communion normally remain, in the life of most of the real collective units, a latent state, and only become actualized under certain definite conditions.

Communion. — Communion has the highest degree of intensity and depth of sociality by interpenetration and partial fusion. It is the actuality of collective intuition carried to its greatest strength; it is the most profound "we". Communion normally corresponds to states of collective ecstasy, which are usually only of short duration; that is why communion, in current social life, is only a latent potency, actualized at rare moments. Real collective units of an exceptional character exist, however, in which communion is always present and where it normally predominates over the elements of mass and community: these are churches, religious sects, magical brotherhoods, etc., groups that have their basis in mystical intuitions, quite distinct from all other collective intuitions.

In a communion (interpenetration of minds and behaviors being at a maximum) partial fusion integrates the most profound aspirations of the "I"s which participate in the union. That is why, being most intense, this form of sociality nevertheless produces the least pressure on the individuals bound by it. It therefore appears as the incarnated collective aspiration, which coincides with the most intimate aspirations of the individual person. This is perhaps the reason why at times it was believed necessary to exclude communion from real social life, arid to consider it as a direct form of the participation of the isolated individual in divine grace, spirit, or the cosmic whole. Thus, according to a certain Christian tradition expressed with particular emphasis by the Danish mystic Kierkegaard, human minds can commune with Christ only

ну, это и есть единственный путь к «открытому обществу», не имеющему более ничего общего с реальной социальной жизнью[12*]. Здесь необходимо понять, может ли в некоторых исключительных случаях так называемое индивидуальное сознание приобщиться Логосу, Духу и, наконец, Богу без посредничества реального общества. При этом мы решительно отвергаем понимание общности как возможной только в тех редких случаях, когда на сцену выходят святые, великие мистики, гении и герои.

Прежде всего, приобщение к духу и божественному может быть как коллективным, так и индивидуальным, и любая религия, любая церковь, любой выдающийся этический, интеллектуальный или юридический опыт зиждется на коллективном участии, которое делает возможным взаимное проникновение сознаний, формирующих общности как проявления реальной социальности. Как социальные феномены, такие общности не всегда связаны с участием в духовных практиках. Иногда они представляют собой интенсивное взаимодействие сознаний друг с другом или в их совокупности, участие, к которому подталкивают внешние события: войны, революции, забастовки, преследования определенных групп, непосредственная опасность (кораблекрушение, пожар, землетрясение, коллективные усилия по спасению одного или нескольких людей, попавших в беду). Наконец, ошибочно было бы, как это делает Бергсон, наделять общность какими-то особенными возможностями или универсальностью, противопоставляя общность ограничениям, свойственным любой реальной социальности. Напротив, общность как реальный коллективный феномен, основанный на взаимном проникновении сознаний и сопряжении поведений, проявляется исключительно в малых группах. Мы уже указывали на то, что чем выше интенсивность частичного слияния, тем, как правило, малочисленнее группа. Следовательно, в общности равновесие между численностью и интенсивностью слияния смещается в сторону

when in isolation, and only through Him as mediator amongst themselves.[11*] Recently Bergson, in *Les deux sources de la morale et de la religion*, developed an analogous conception according to which individuals can arrive at communion only by detaching themselves from the real group ("closed society"), in order to participate in creative activity when in isolation; this would be, according to Bergson, the only means of reaching "open society" which no longer has anything in common with real social life.[12*] We need not examine here whether it is possible for the so-called individual consciousness to commune in exceptional cases directly, without the intermediary of real society, with Logos, Spirit, and, finally, with God. But we must protest energetically against limiting communion to those rare cases which involve only saints, great mystics, geniuses, and heroes.

First of all, one may participate in spirit and in divinity just as well collectively as individually, and all the religions, all the churches, all the great ethical, intellectual, and jural experiences are based on the collective participation effectuated by interpenetrated minds, which form communions in so far as they are manifestations of real sociality. These communions, as social phenomena, to be sure, do not always represent participation in spirituality; they may sometimes be only the very intense participation of minds in each other or in their totality, a participation caused by events in the external world, such as wars, revolutions, strikes, persecutions of certain groups, imminent dangers (for example, shipwreck, fire, earthquake, collective rescue of one or of several people in danger). Finally, it would be completely false to attribute to communion, as Bergson did, a particular capacity of universality, and, from this fact, to oppose it to the limitations implied in all real sociality. On the contrary, communion, in so far as it is a real collective phenomenon based on a direct interpenetration among minds or behaviors, manifests itself in very lim-

последней. Это подтверждается самими феноменами раскола и сецессии, которым потенциально подвержена любая общность, воплощающая реальную социальность. Например, в церкви, религиозной секте, оккультном братстве, масонском ордене и т.д., где преобладает социальность общности (общность верующих в одну и ту же догму, явленную недавно посвященным в некий духовный или символический ритуал), ослабление общности и ее дрейф в сторону сообщества или массы ставит под угрозу само существование группы. Общность исчезает, если неспособна воспроизвести себя в более ограниченном кругу верующих или посвященных, деятельно поддерживающих свою сопричастность: раскол оказывается единственным способом сберечь общность и саму группу, в которой общность является основной формой социальности. Следовательно, общность как реальная форма социальности не приводит к универсальности, а напротив, порождает разнообразие групп, основанных на общности. В религиозных сектах, особенно преследуемых, таких, в которых общность чувствует острее, чем в официальных церковных организациях (где она поддерживается руководящими структурами, зачастую полностью оторванными от спонтанно образуемых верующими низовых структур), феномен схизмы, раскола повсеместен. То же явление наблюдается и в группах, не имеющих мистического фундамента, например запрещенных и преследуемых политических партиях или профсоюзах. Сопротивление притеснениям приводит к преобладанию экстатичной общности со всеми ее последствиями — схизмами, внутренними расколами и т.д.

Как было сказано выше, внешние события — войны, революции, забастовки, приближающиеся угрозы и т.д. — нередко актуализируют латентную общность в группах, в которых в нормальной ситуации преобладают элементы массы или сообщества. Например, в таких группах, как нация или государство, война вызывает такое интенсивное слияние, что на

ited circles. We have already noted the fact that usually the stronger and deeper the intensity of the partial fusion, the smaller is the number of its members. Consequently, in communion the equilibrium between extension and intensity is broken in favor of the latter. This can be verified by the phenomena of schism and secession, the danger of which is present in every communion in so far as it is real sociality. For example, in a church, a religious sect, magic brotherhood, a masonic order, etc., where sociality as communion predominates (communion of believers in the same revealed dogma of initiates to the same spiritual or symbolic rite), as soon as this communion becomes weakened and relaxes in favor of sociality as community or mass, the very existence of the group is threatened. It is lost if it is unable to reestablish itself in a more restricted circle of believers or initiates who continue to commune effectively: the schism then becomes the only means of safeguarding the communion and the group itself in which the communion predominates. Thus, far from leading towards universality, communion, as real sociality, tends rather towards the particularization of groups that usually are based on communions. In religious sects, especially those that are persecuted and where communion arises much more vigorously than in the official churches (maintained by their organized superstructures, often entirely detached from the spontaneous substructure of the faithful), the phenomena of schism and of division into small segments appear with particular virulence. The same phenomena may be observed in groups which have no mystical foundation, for example, political parties or trade unions when they are prohibited and persecuted; the reaction against persecution creates the predominance in their midst of ecstatic communion with all its consequences: schisms, internal ruptures, etc.

External events, such as wars, revolutions, strikes, imminent dangers, etc., often con-

передний план выходят элементы общности. Так же во время революции массы, разочарованные в режиме, стремительно превращаются в подлинную общность, которая высвобождает энергию, несравнимо бóльшую, чем сила сопротивления сообществ и масс, поддерживающих старый порядок вещей и т.п. Менее масштабные события, такие как забастовки, массовые празднования, дни национального поминовения, могут произвести похожий, но более краткий эффект.

Следовательно, каждая группа в зависимости от обстоятельств может временами усиливать свое единство до уровня общности, временами ослаблять его до уровня массы, причем промежуточная форма, сообщество, является самым распространенным и устойчивым элементом социального образования.

Массам, сообществам и общностям невозможно поставить в соответствие какие-либо позиции на шкале ценностей. Не представляется возможным создать шкалу для оценки разных форм социальности с социологической или этической точки зрения. Эта невозможность распространяется и на отношения между степенями интенсивности социальности, достигаемой взаимным проникновением и частичным слиянием, то есть массой, сообществом и общностью. С социологической точки зрения тот факт, что масса оказывает большее давление, чем сообщество или общность, не может быть критерием оценки, так как социология не может установить, является ли большее или меньшее давление злом или благом. Сама роль давления в социальной связности в сочетании с ее интенсивностью и объемом (численностью группы) изменчива и зависит от конкретных обстоятельств. В то же время давление обратно пропорционально степени слияния, которое, в свою очередь, обычно обратно пропорционально объему. Следовательно, ту роль, которую массы, сообщества и общности играют в социальном равновесии, предсказать невозможно. Но можно с уверенностью утверждать, что

tribute, as we have already indicated, to the actualization of the latent communions inherent in groups, where sociality as community, or even as mass, normally predominates. For example, a war causes in the midst of groups such as the nation or the state a fusion so intense that the element of communion begins to predominate in them. Similarly, a revolution consists of the rapid passage of masses discontented with the regime into a veritable communion amongst themselves, which releases an incomparably greater energy than the strength of resistance of the community or of the mass of the people who support the old order of things, etc. It should be noted too that much less serious events, such as a simple strike, a public celebration, a day of national commemoration, may lead to similar effects, but of shorter duration.

To summarize, each group may therefore, in varying circumstances, at times intensify its unity to the point of communion, at times relax it to the point of mass, the intermediate form of community being the most usual and constant element of union.

The impossibility of locating mass, community, and communion on a scale of value. — It is generally impossible to establish a scale among the different forms of sociality, whether it be from the sociological or ethical point of view. This impossibility applies equally to the relations among the three degrees of intensity of sociality by interpenetration and partial fusion: mass, community, and communion. From the sociological point of view, the statement that mass exerts greater pressure than community or communion can not serve as a criterion of evaluation, for certainly it is not for sociology to decide whether a greater or smaller pressure is a good or an evil. The very role of pressure in social cohesion, combined with that of intensity and that of volume (extension), is entirely variable and depends on the concrete circumstances; since, at the same time, pressure varies inversely with the intensity of fusion, and the latter usually inversely with the

латентное присутствие трех конкурирующих форм социальности в каждой группе — решающий фактор их подвижного равновесия. В обществе как усиление, так и ослабление элемента общности может ускорить социальное развитие. Л. Леви-Брюль[13*] показал, что в архаичных сообществах, где доминирует первобытное мышление, экстатичная общность ослабляется в пользу сообщества. И этот процесс сопровождается дифференциацией сфер религиозного, магического, политического, юридического и экономического, а также актуализацией межгрупповых и межиндивидуальных «отношений с другими», которые начинают ограничивать социальность частичного слияния. В наше время экономическое общество, где доминирует элемент массовости, имеет тенденцию к интенсификации сплоченности в рамках сообществ, а международное общество в конце XIX века и в первые годы после мировой войны проходило путь от массы к сообществу, достигая в некоторые моменты уровня общности (как, например, при подписании пакта [Бриана —] Келлога[14*] об отказе от войны).

С этической точки зрения, опирающейся на ценностные соображения, невозможно создать шкалу, на которой бы массы, сообщества и общности заняли причитающиеся им позиции. Прежде всего, во всех трех случаях имеет место коллективное интуитивное восприятие ценностей, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Группа гангстеров может сплотиться вокруг отстаивания отрицательных ценностей, а сектанты или еретики могут чувствовать сопричастность друг другу, веря в ценность своих ритуалов, которые могут при этом быть порочными и даже преступными. В случае наиболее положительных ценностей, таких как международный мир или любовь к человечеству, коллективное интуитивное восприятие низкой интенсивности может выражаться и воплощаться в социальности массы. Более того, общность может возникать и в отношении внешних событий (общего стра-

volume, the respective roles of mass, community, and communion in social equilibrium can never be predetermined. All that can be said here is that the latent presence in every group of these three competing forms of sociality is an essential factor of their mobile equilibrium. The weakening as well as the strengthening of the element of communion in a society may both contribute to social development. Thus, in archaic societies where primitive mentality predominates, as M. Levy-Bruhl[13*] so clearly demonstrated, there is a weakening of ecstatic communion in favor of community, accompanied by the differentiation of the religious, magical, political, jural, economic spheres and by the actualization of the inter-groupal and inter-individual "relations with others" which begin to limit sociality by partial fusion. On the contrary, in our age, we can observe either the tendency of an economic society (where the element of mass predominates today) to intensify its unity in a community, or the tendency of international society, at the end of the nineteenth century and in the first years after the World War, to pass from mass to community, or even at certain moments to communion (as in the Kellogg pact[14*] out-lawing war).

From the ethical viewpoint, which is based on considerations of value, a scale of mass, community, and communion is equally impossible. First of all, in each of these three kinds of union, when collective intuitions of value are involved, the latter may just as well be negative as positive. Thus a group of gangsters may commune in a very intense fashion in respect to the negative values to which it aspires, or a group of sectarians and heretics communing with great intensity in the belief of the value of their rites which may be perverse and even criminal. On the contrary, in relation to the most positive values, such as international peace or love of humanity, collective intuitions of a very weak intensity may be manifested and realized in sociality as mass. Furthermore, we may commune in regard to external events (common fright,

ха, опасности и т.д.), а масса формироваться на фундаменте морального долга и даже положительных ценностей (переживания по поводу которых обычно имеют низкую интенсивность).

Следовательно, необходимо различать массы, сообщества и общности, воздерживаясь при этом от их оценки. В частности, важно избавить термин «масса» от негативных коннотаций и перестать воспринимать термин «общность» как одобрительный. Различие между массой, сообществом и общностью может быть подтверждено самим наличием символов, используемых для их обозначения. Действительно, эти три степени частичного слияния, имея несимволическое основание, находят отражение в мире символического и используют символы, чтобы сохраниться и усилиться. В юридическом поле Право Массы, Право Сообщества и Право Общности различаются в значительной степени[8]. Схожим образом в этическом поле массе обычно соответствует «долг», сообществу — «ценности», а общности — «свобода творчества»[9]. Также возможно рассматривать религиозные символы и символы знания с точки зрения их соотношения с тремя степеням слияния в «мы». Массы, сообщества и общности различаются не только на уровне социальной психологии и микросоциологии, но и в той сфере, которую можно назвать «социологией человеческого духа».

Жорж Гурвич
Новая школа социальных исследований, Нью-Йорк

Комментарии

Г. Д. Гурвич в годы вынужденной эмиграции из Франции в США (1940—1945) стремился, по верному замечанию М. В. Антонова, «реинтерпретировать свои идеи и работы для понимания в рамках другой научной культуры»

[8] Ср. с моими рассуждениями в «Элементах юридической социологии», глава III (Gurvitch, 1940).

[9] Ср. с моими рассуждениями в «Теоретическая мораль и наука о морали. Их возможности, их условия» (Gurvitch, 1937, p. 159—197).

danger, etc.) and form a mass in regard to moral duties and even to positive values (which are experienced with slight intensity).

Let us conclude, therefore, that it is indispensable in distinguishing mass, community, and communion to eliminate from the distinction all implied evaluations; it is particularly necessary to free the term "mass" from any derogatory implications and the term "communion" from any laudatory meaning. Furthermore, it should be noted that the distinction between mass, community, and communion may be verified by the symbols that express them. In fact, these three degrees of partial fusion, while having a non-symbolic basis, are reflected in the symbolic world and use symbols to maintain and strengthen themselves. Thus, in the jural field, the Law of the Mass, the Law of the Community, and the Law of the Communion are characterized by quite different traits.[8] Similarly, in the field of ethics, "duties" correspond usually to mass, "values" to community, and "creative liberty" to communion.[9] Religious symbols and symbols of knowledge could be studied also in their functional relation to the three degrees of the "we". Thus the distinction between mass, community, and communion does not belong only to the fields of social psychology and micro-sociology, but also to the field which might be called "sociology of the human spirit".

Georges Gurvitch
The New School for Social Research, New York

Commentary

During his forced emigration from France to the USA (1940 — 1945) Georgii D. Gurvitch, as rightly noted by Mikhail V. Antonov (2013, p. 67), sought to "reinterpret his ideas and works in a way that would make them more

[8] Cf. on this subject *my Éléments de sociologie juridique*, 1940, Chapter III.

[9] Cf. on this subject my book *Morale théorique et science des moeurs*, 1937, pp. 159-197.

(Антонов, 2013, с. 67). Благодаря поддержке Роско Паунда (1870—1964), который написал Гурвичу рекомендательное письмо для Элвина Джонсона (1874—1971), сооснователя и первого директора нью-йоркской Новой школы социальных исследований, он получил приглашение в США, в октябре 1940 г. прибыл в Нью-Йорк и приступил к чтению лекций по французской социологии в Новой школе. С Паундом, профессором права и деканом юридического факультета Гарвардского университета, вице-президентом Международного института философии права и правовой социологии, Гурвич познакомился, ведя корреспонденцию как генеральный секретарь (с 1933 г.) этого института (см.: Там же, с. 67—68). Двадцать первого июля 1940 г. Гурвич написал ему письмо с просьбой о содействии в получении преподавательской работы в США (Там же, с. 197).

Новая школа социальных исследований была открыта в Нью-Йорке в 1919 г. и существует по сей день. Тесные связи с Европой она стала поддерживать с 1933 г., стремясь оказать поддержку коллегам еврейского происхождения, подвергавшимся преследованиям и увольнениям в нацистской Германии, а с началом Второй мировой войны и в других странах Европы, оккупированных германскими войсками (см. подробнее: Rutkoff, 1986, p. 85—87). Двадцать четвертого апреля 1933 г. президент школы Джонсон в своем открытом письме, призывавшем к поддержке европейских ученых, сформулировал идею Университета в изгнании (University in Exile): «Это должно быть сделано незамедлительно. Мир быстро прощает посягательства на академическую свободу. Он давно простил Муссолини. Я никогда не прощу Гитлера…» (Цит. по: Ibid., p. 92).

Приехав в Америку, Гурвич активно включился в научную жизнь. В 1941 г. он принял участие в создании Свободной школы высшего образования (École Libre des Hautes Études) в Нью-Йорке, в которой с 1942 г. по приглашению ее почетного президента Анри Фосийона

understandable within a different academic culture". With the support of Roscoe Pound (1870 — 1964), who wrote a letter of recommendation to Alvin Johnson (1874 — 1971), co-founder and first director of the New York New School of Social Research, he got an invitation to the USA. He arrived in New York in October of 1940 and began lecturing on French sociology at the New School. Gurvitch became acquainted with Pound, professor of law and dean of the law department at Harvard University, Vice President of the International Institute of the Philosophy of Law and Sociology of Law, while conducting correspondence as secretary general of the Institute (since 1933) (*cf.* Antonov, 2013, pp. 67-68). Gurvitch wrote him a letter on 21 July 1940 seeking help in obtaining a teaching position in the USA (*ibid*., p. 197).

The New School for Social Research, opened in New York in 1919, exists to this day. It maintained close relations with Europe since 1933, seeking to support Jewish colleagues who were persecuted and dismissed from their jobs in Nazi Germany and, with the start of World War II, in other European countries occupied by German troops (for more detail see Rutkoff, 1986, pp. 85-87). On 24 April 1933 the School's President, Johnson, wrote an open letter calling for support of European scientists, in which he formulated the idea of University in Exile: "It must be done promptly. The world is quick to forgive invasions of academic liberty. It long ago forgave Mussolini. I shall never forgive Hitler…" (quoted from *ibid*., p. 92).

Upon arrival in America Gurvitch became actively involved in academic life. In 1941 he took part in founding the Free School of Higher Education (*École Libre des Hautes Études*) in New York where he was head of the French Institute of Sociology (*L'Institut français de sociologie*) since 1942 at the invitation of the School's honorary president Henri Focillon (1881—1943) (see Cramer, 1986, p. 375).

(1881—1943) руководил Французским институтом социологии (см.: Cramer, 1986, p. 375).

Публикуемая статья (Gurvitch, 1941a) интересна прежде всего тем, что в ней Гурвич раскрывает важнейший элемент собственного учения о микросоциологии — критерии определения социабельности (интенсивность слияния индивидуальных сознаний и силу общественного давления), но вместо термина «социабельность» использует термин «социальность». Если провести сравнение экспозиции этой статьи с порядком изложения аргументов в более ранней, франкоязычной статье «Очерк плюралистической классификации форм социабельности» (Gurvitch, 1938a), то можно выявить совпадение в последовательности обоснования критериев социа(бе)льности, в соответствии с которыми Гурвич одинаково различает массу, сообщество и общность. Сохранение последовательности аргументов позволяет сделать вывод о совпадении понятий «социабельность» и «социальность» и взаимозаменяемости обозначающих их терминов в творчестве Гурвича французского и американского периодов. Термин «социальность» использовался Гурвичем, вероятно, как более привычный для молодой американской социологии.

Для настоящего перевода статьи были выбраны наиболее точные русские эквиваленты для терминов Гурвича, вынесенных в название статьи: они не содержат дополнительных значений и не приводят к усложнению понимания мысли автора. Понятия «масса» (mass), «община» (community), «всеединство» (communion), которые использует М. В. Антонов в своем переводе с французского языка работы Гурвича «Социология права» (Гурвич, 2004; ср.: Gurvitch, 1942) и в монографии о Гурвиче (Антонов, 2013, с. 303—308), являются не вполне корректными по причине неоправданного акцентирования внимания на концептах русской религиозной философии в учении Гурвича, прежде всего на роли учения В. С. Соловьева о всеединстве. Несомненно, Соловьев оказал

The published article (Gurvitch, 1941a) is chiefly interesting because it explains the key element of his teaching on microsociology, namely the criteria of determining sociability (intensity of the fusion of individual minds and the force of public pressure) but uses the term "sociality" instead of "sociability". If we compare the exposition in this article with the order in which arguments are presented in an earlier French-language article "Essay on Pluralistic Classification of Forms of Sociability" (Gurvitch, 1938a), we find a coincidence in the sequence of criteria of socia(bi)lity in accordance with which Gurvitch draws similar distinctions between mass, community and communion. The preservation of the same sequence of arguments warrants the conclusion that the terms "sociability" and "sociality" are identical and interchangeable in Gurvitch's works of the French and American periods. Gurvitch probably chose the term "sociality" because the nascent American sociology was more used to it.

For the purpose of this article the most accurate Russian translations of Gurvitch's terms have been chosen which appear in the title of the article: they do not carry additional connotations and do not complicate the author's idea. The concepts of *massa* (mass), *obshchina* (community) and *vseedinstvo* (communion) which Antonov uses in his translation from the French of Gurvitch's work *Sociology of Law* (Gurvitch, 2004; *cf.* Gurvitch, 1942) and in his monograph on Gurvitch (Antonov, 2013, pp. 303-308), are not entirely correct because they unduly stress the concepts of Russian religious philosophy in Gurvitch's teaching, above all the influence of Vladimir Solovyov's doctrine of *vseedinstvo.* There is no doubt that Solovyov had influenced the shaping of Gurvitch's views, as witnessed by his concept of *vole-zreniye* ("will-vision"), used in his treatment of *sobornost'* in the ar-

влияние на формирование взглядов Гурвича, о чем свидетельствует понятие *воле-зрение*, использованное Гурвичем в трактовке соборности в статье, которая опубликованной в журнале «Современные записки» (Гурвич, 1926; см.: Загирняк, 2022). Антонов полагает, что Гурвич во французский и американский периоды продолжал опираться на идеи Соловьева (Antonov, 2016, p. 505—506), с чем, однако, трудно согласиться.

Другой вариант перевода тех же понятий предложили И. А. Голосенко и Р. Е. Гергилов: «масса» (mass), «община» (community) и «коммуна» (communion) (Голосенко, Гергилов, 2000, с. 22). Использование термина «коммуна» неизбежно порождает у читателя неверное представление, будто социология права Гурвича связана с социально-политическими учениями, в которых это слово имеет политический смысл. «Масса», «сообщество» и «общность» представляются наиболее адекватными для передачи понятий mass, community и communion, потому что позволяют различить качество социального единения, но при этом избежать необоснованных коннотаций.

[1*] **Гюстав Лебон** (1841—1931) в работе «Психология масс» (1895) развил идеи Г. Тарда о подражании (l'imitation) как основе возникновения и развития социума. В этой работе он на самом деле постоянно взаимозаменяет понятия массы и толпы. См., например: «Наполеон прекрасно постиг психологию масс той страны, в которой царствовал, но зачастую выказывал полное непонимание психологии толпы других народов и рас» (Лебон, 2016, с. 156).

[2*] **Макс Шелер** (1874—1928) выделяет четыре сущностных разновидности социального единства: 1) масса; 2) общество; 3) жизненное сообщество; 4) «самостоятельная, духовная и индивидуальная совокупная личность» (Scheler, 1916, S. 555). Масса, или стадо, возникает в результате «заражения», которое, по мнению Шелера, непроизвольно: «Такое социальное единство конституируется (одновременно) в, так

ticles published in *Sovremennye zapiski* (Gurvitch, 1926; see Zagirnyak, 2022). Antonov's claim that Gurvitch adheres to Solovyov's ideas even in the French and American periods of his work (Antonov, 2016, pp. 505-506), is hardly a tenable position. Another variant of the translation of the same concepts has been proposed by Igor A. Golosenko and Rostislav E. Gergilov (2000, p. 22): *massa* (mass), *obshchina* (community) and *communa* (communion). The term "commune" misleads the reader into thinking that Gurvitch's sociology is somehow connected with the socio-political doctrines in which the word carries a political connotation. I believe that *massa*, *soobshchestvo* and *obshnost'* are the most accurate translations of the terms mass, community and communion because they distinguish the character of social fusion while avoiding ungrounded connotations.

[1*] **Gustav Le Bon** (1841—1931) in his work *The Psychology of Masses* developed the ideas of Gabriel Tarde about "imitation" (l'imitation) being the basis of the emergence and development of society. Indeed, in this work he uses the concepts of mass and crowd interchangeably. *Cf*. the following: "Napoleon had a marvellous insight into the psychology of the masses of the country over which he reigned, but he, at times, completely misunderstood the psychology of crowds belonging to other races" (Le Bon, 1895, p. XXI).

[2*] **Max Scheler** (1874—1928) distinguishes four essential varieties of social unity: 1) mass; 2) society; 3) life community 4) "*an independent, spiritual, and individual collective person*" (Scheler, 1973, p. 533). The mass, or herd, arises as a result of "contagion" which he believes to be involuntary: "A social unit is constituted (simultaneously) in so-called contagion devoid of understanding, and involuntary imitation. Such a unit of animals is called the *herd*, of men, the *mass*. With respect to its members, the mass

сказать, заражении, свободном от понимания, и непроизвольном подражании. Оно применительно к животным называется *стадом*, а применительно к людям — *массой*. Но и масса по отношению к своим членам обладает собственной реальностью и собственной закономерностью воздействия» (Ibid., S. 547).

[3*] **Роберт Макивер** (1882—1970) считал общество абстрактным понятием для обозначения сферы взаимодействий индивидов. В книге «Сообщество: социологическое исследование» Макивер различает естественное сообщество и искусственно созданную ассоциацию: «…сообщество — это средоточие социальной жизни, совместная жизнь социальных существ, ассоциация — это организация социальной жизни, определенно созданная для преследования одного или нескольких общих интересов» (Maciver, 1917, p. 24). Люди создают ассоциации для защиты сообществ (Ibid., p. 107). Следует отметить, что Макивер указывает на сходство своих взглядов с идеями Ф. Тённиса.

[4*] **Фердинанд Тённис** (1855—1936) в книге «Общность и общество» (1887) показывает, что социальные отношения проистекают из воли человека, и различает естественную и рассудочную волю, которые соответственно формируют общность (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft). «Человеческие воли состоят в многообразных отношениях друг к другу… <…> …группа, воспринимаемая как существо или вещь, действия которой едины в своей внутренней и внешней направленности, называется *связью* [Verbindung]. Само это отношение, и тем самым связь, понимается либо как реальная и органическая жизнь — в этом состоит суть *общности* [Gemeinschaft], — либо как идеальное и механическое образование — таково понятие *общества* [Gesellschaft]» (Тённис, 2002, с. 9—10).

[5*] **Герберт Блумер** (1900—1987), американский социолог, один из основателей направления в социологии, получившего название «символический интеракционизм», и автор этого термина, отталкивался, по собственному

possesses a reality of its own and has its own laws of effectiveness" (*ibid.*, p. 526).

[3*] **Robert Morrison MacIver** (1882—1970) considered society to be an abstract notion denoting the sphere in which individuals interact. In his book, *Community: a Sociological Study*, MacIver distinguishes a natural community from an artificially created association: "[…] community is a focus of social life, the common living of social beings, an association is an organisation of social life, definitely established for the pursuit of one or more common interests" (MacIver, 1917, p. 24). People create associations to protect communities (*ibid.*, p. 107). It has to be noted that MacIver considers his views to be similar to those of F. Tönnies.

[4*] **Ferdinand Tönnies** (1855—1936) in his book *Community and Society* (1887) shows that social relations arise from the human being's will, distinguishing natural and mental will which form respective communities: "The wills of human beings interact in many different ways […]. The social group brought into existence […], envisaged as functioning both inwardly and outwardly as a unified living entity, is known by some collective term such as a union, fraternity or association. The relationship itself, and the social bond that stems from it, may be conceived either as having real organic life, and that is the essence of Community [*Gemeinschaft*]; or else as a purely mechanical construction, existing in the mind, and that is what we think of as Society [*Gesellschaft*]" (Tönnies, 2001, pp. 17-18).

[5*] **Herbert Blumer** (1900—1987), American sociologist, one of the founders of the "symbolic interactionism" theory in sociology and the author of this term. By his own admission, he started from the ideas of George H. Mead (Blumer, 1969, p. 1; see note 8*). From his point of view, people in the process of interactions determine the meaning of the objects they operate with, and this meaning acquires a symbolic

признанию, от идей Дж. Мида (Blumer, 1969, p. 1; см. примеч. 8*). С его точки зрения, люди в процессе взаимодействий определяют значение объектов, которыми оперируют, и это значение приобретает символический характер (Ibid, p. 4—5). Групповая жизнь людей с точки зрения символического интеракционизма — это обширный процесс, в котором люди формируют, поддерживают и трансформируют объекты своего мира, придавая им значение (Ibid., p. 12).

6* Речь идет прежде всего о выпущенной в 1927 г. книге «Бытие и время».

7* ***Das Man*** — понятие философии Хайдеггера, в котором он показал включенность человека в социальные процессы и определенность ими: «Решающим является незаметное, присутствием как событием невзначай уже принятое господство других. Кто угодно (Man) сам принадлежит к другим и упрочивает их власть. "Другие", которых называют так, чтобы скрыть свою сущностную принадлежность к ним, суть те, кто в повседневном бытии с друг с другом прежде всего и чаще всего "тут есть". "Кто" — не этот и не тот, не некто сам и не некоторые и не сумма всех. "Кто" среднего рода, *они*… <…> Это бытие-с-другими полностью растворяет собственное присутствие в способе бытия "других", а именно так, что другие в их различительности и выраженности еще больше исчезают» (Heidegger, 1967, S. 126; ср.: Хайдеггер, 2013, с. 126).

8* **Джордж Герберт Мид** (1863—1931) — американский философ и социолог, создатель теории социального бихевиоризма, согласно которой поведение человека включает в себя множество символов, передающих информацию, что позволяет ему участвовать в социальных практиках (Mead, 1934, p. 69), взаимодействовать с другими людьми и формировать общество (Ibid., p. 78). **Эллсворт Фэрис** (1874—1953) — антрополог, социолог, педагог, представитель Чикагской школы. В эссе «Природа человеческой натуры» он представил свои взгляды на возникновение культуры и общества, развивая идеи Мида. Он критиковал подход Герберта Спенсера и Зигмунда Фрейда к

character (*ibid*, pp. 4-5). Human group life, from the perspective of symbolic interactionism, is a vast process in which people shape, maintain, and transform the objects of their world by giving them meaning (*ibid*., p. 12).

6* The reference is above all to the 1927 book *Being and Time*.

7* **Mr. Everybody** is evidently an attempt to translate the concept *das Man* which is used by Heidegger to show that man is involved in and determined by the social processes: "What is decisive is just that inconspicuous domination by Others which has already taken over unawares from *Dasein* as Being-with. One belongs to Others oneself and enhances their power. 'The Others' whom one thus designates in order to cover up the fact of one's belonging to them essentially oneself, are those who proximally and for the most part 'are there' in everyday Being-with-one-another. The 'who' is not this one, not that one, not oneself [*man selbst*], not some people [*einige*] and not the sum of them all. The 'who' is the neuter, the 'they' [*das Man*] […] This Being-with-one-another dissolves one's own *Dasein* completely into the kind of Being of 'the Others', in such a way, indeed, that the Others, as distinguishable and explicit, vanish more and more (Heidegger, 1962, p. 164).

8* **George Herbert Mead** (1863—1931), American philosopher and sociologist, author of the theory of social behaviourism which holds that human behaviour includes a multitude of symbols that convey information, thus enabling people to take part in social practices (Mead, 1962, p. 69), interact with other people and form society (*ibid.*, p. 78). **Ellsworth Faris** (1874—1953), anthropologist, sociologist, teacher, representative of the Chicago school. In his essay *The Nature of Human Nature* he set out his views on the origin of culture and society, developing the ideas of Mead. He criticised Herbert Spencer and Sigmund Freud's approach

новение культуры и общества, развив взгляды Дж. Г. Мида. Фэрис критиковал подходы Герберта Спенсера и Зигмунда Фрейда к изучению «первобытного человека» и предложил термин «дограмотный человек» (Faris, 1937, p. 252—253). **Джуниус Флэгг Браун** (1902—1970) — американский психолог и психотерапевт. В книге «Психология и социальный порядок: Введение в исследование социальных полей» развил теорию поля Курта Левина (1890—1947). Согласно этой теории, поле — это сфера взаимодействия индивида и внешней среды; при нарушении в поле гармонии между человеком и средой человек стремится вернуть ее. Личностное развитие связано с усложнением системы взаимодействий индивидов, созданием и развитием иерархической структуры, которая должна способствовать восстановлению равновесия поля (Brown, 1936, p. 44). **Теодор Литт** (1880—1962) — немецкий педагог, представитель философии жизни, один из основоположников «педагогики культуры», активно применявший диалектический метод для толкования социума как диалектического взаимодействия индивида и общества, их взаимного определения и обусловливания, что порождает историю как историю культуры (см.: Litt, 1926). **Эмиль Дюркгейм** (1858—1917) — основатель французской школы социологии, придерживался холизма в трактовке социума, рассматривая социум как множество социальных фактов, а социальный факт как не редуцируемый к действиям индивидов и не зависимый от них, но определяющий условия социальных практик индивидов (Дюркгейм, 1996, с. 75). **Марсель Мосс** (1872—1950) — французский этнолог и социолог, развивавший идеи Дюркгейма, ввел понятие тотальности для характеристики социального единства. Тотальный социальный факт — это понятие, которое позволяет рассматривать индивидов и коллективные образования как взаимодействующие стороны социальных феноменов (Mauss, 1990, p. 79—80). **Морис Хальбвакс (Альбвакс)** (1877—1945) — представитель французской со-

to the study of "the primitive man", proposing the term "preliterate man" (Faris, 1937, pp. 252-253). **Junius Flagg Brown** (1902—1970), American psychologist and psychotherapist. In his book *Psychology and Social Order: Introduction to the Study of Social Fields* developed the field theory of Kurt Levin (1890—1947). According to that theory, the field is the sphere of interaction between the individual and the environment; when harmony between the human being and the environment is upset the human being seeks to restore it. Personality development involves growing complexity of the system of interaction between individuals, the creation and development of a hierarchic structure, called upon to restore the balance of the field (Brown, 1936, p. 44). **Theodor Litt** (1880—1962), German pedagogue, representative of the philosophy of life, one of the founders of the "pedagogy of culture," who extensively used the dialectical method in interpreting society as dialectical interaction between the individual and society, their mutual determination and conditioning, which generates history as the history of culture (see: Litt, 1926). **Emil Durkheim** (1858—1917), founder of the French school of sociology, adhered to holism in interpreting society, considering society to be a plurality of social facts, the social fact not being reducible to the acts of individuals and not depending on them, but determining the social practices of individuals (Durkheim, 2013, p. 54). **Marcel Mauss** (1872—1950), French ethnologist and sociologist who developed Durkheim's ideas, introducing the notion of totality to characterise social unity. The total social fact is a concept that considers individuals and collective entities to be interacting aspects of social phenomena (Mauss, 1990, pp. 79-80). **Maurice Halbwachs** (1877—1945), representative of the sociology of Durkheim (France), showed the interpenetration of the social and psychological aspects of memory and the mutual determina-

циологической школы Дюркгейма, обосновал взаимопроникновение социальных и психологических аспектов памяти, а также взаимоопределение и взаимную обусловленность индивидуального и социального в процессе развития общества. Согласно его учению, множество индивидов взаимодействуют в сфере, внешней по отношению к их сознаниям, но охватывающей их в истории (Halbwachs, 1980, p. 54, 56—57).

[9*] **Леопольд фон Визе** (1876—1969) — представитель формальной социологии, рассматривал социальные феномены с позиции социологического номинализма: он относил их к феномену «социального» (Das Soziale), которое представляет собой сферу взаимодействий между участниками общества. Визе выделяет три вида социальных образований — массы, группы и корпорации (Körperschaften), которые различает по степени вовлеченности отдельных людей в коллективное образование: в массе преобладают индивидуальные интересы, в группах проявляется сплоченность, которая может привести к формированию институтов и организаций, в корпорации — коллективные феномены социальной жизни (Wiese, 1956, S. 26—27). Гурвич отмечал значение идей Визе в развитии микросоциологии (см.: Gurvitch, 1951, S. 13—14).

[10*] **Теодор Гейгер** (1891—1952) — один из основателей концепции социальной стратификации, схожим с Ф. Тённисом образом обосновывал принципы социального формирования, используя понятия общности и общества: «В форме группы мы наблюдаем два существенных, конституирующих групповых принципа: общность и общество, связь в бытии и связь через порядок» (Geiger, 1926, S. 69). Он раскритиковал подход Лебона за неспособность объяснить поведение массы, когда составляющие ее люди совершают совместные действия, которые не посмел бы совершить каждый отдельный индивид вне массы (Ibid., S. 66), и предлагал считать массу свойством социального объединения, присущим последнему на любом уровне (Ibid, S. 182). Гейгер не выводил бытие социальных образований из отношений индивидов, а наоборот, отношения индивидов из социальных образований (Geiger, 1926, S. 182).

tion and mutual conditioning of the individual and the social in the development of society. According to his teaching, individuals interact in the sphere that is external to their minds, but embraces them in history (Halbwachs, 1980, pp. 54, 56-57).

[9*] **Leopold von Wiese** (1876—1969), a representative of formal sociology, studied social phenomena from the position of sociological nominalism: he referred them to "the social" (*Das Soziale*), which is the sphere of interactions between members of society. Wiese identifies three types of social entities: masses, groups and corporations (*Körperschaften*), which differ in the degree of involvement of individuals in a collective entity: in the mass, individual interests prevail, groups exhibit cohesion which may lead to the formation of institutions and organisations, and corporations manifest collective phenomena of social life (Wiese, 1956, pp. 26-27). Gurvitch (1951, pp. 13-14) noted the significance of Wiese's ideas for the development of microsociology.

[10*] **Theodor Geiger** (1891—1952), one of the founders of the concept of social stratification, used an approach similar to that of Tönnies to justify the principles of social formation on the basis of the concept of community and society: "In the form of a group we observe two essential, constitutive principles of a group: community and society, connection in being and connection through order" (*cf.* "*An der Gestalt einer Gruppe beobachten wir zwei wesentliche, konstitutive Gruppenprinzipien: Gemeinschaft und Gesellschaft, Verbundenbeit im Sein und Verbundenheit durch die Ordnung*") (Geiger 1967, p. 69). He inveighed against Le Bon's approach because it failed to explain the behaviour of the mass when the people who constitute it perform joint acts which no separate individual would dare to perform outside the mass (*ibid*., p. 66), and proposed to consider the mass to be a property of social unification that characterises the latter at any level (*ibid*., p. 182). Geiger

видов, но считал, что статус индивида требует обоснования исходя из функционального назначения объединения (Ibid., S. 193).

[11*] Похожую мысль **Сёрен Кьеркегор** (1813—1855) сформулировал в «Или — или» (1843): «В Воплощении [Христа] отдельный индивид несет в себе всю полноту жизни, и эта полнота существует для прочих индивидов только постольку, поскольку они созерцают ее в этом воплотившемся индивиде. <…> Индивид же Воплощения как бы впитывает силу всех остальных, и потому полнота пребывает в нем самом, а в прочих она появляется только постольку, поскольку они созерцают ее в нем» (Кьеркегор, 2014, с. 86). Перевод этого сочинения на немецкий язык был выполнен в 1885 г. и мог быть известен Гурвичу, а также и некоторые другие работы Кьеркегора, в которых тема одиночества является одной из главных.

[12*] Эта книга **Анри Бергсона** (1859—1941) была опубликована в 1932 г. О закрытом и открытом обществах см.: (Бергсон, 1994, с. 29—32, 288—291).

[13*] **Люсьен Леви-Брюль** (1857—1939) — французский философ и антрополог, сформулировал теорию пралогического первобытного мышления, отличного от современного логического мышления (Леви-Брюль, 2020, с. 92—94) и предполагающего формирование общности на основе партиципации (сопричастности, общности мистических свойств) (Там же, с. 91). Леви-Брюль показал, что в архаичных сообществах, где доминирует первобытное мышление, применяются собственные способы образования общности.

[14*] **Пакт Бриана — Келлога** — договор, подписанный министром иностранных дел Франции Аристидом Брианом и госсекретарем США Фрэнком Келлогом 27 августа 1928 г. и ознаменовавший начало новой эпохи международных отношений: война более не допускалась как адекватное средство ведения внешней политики.

Благодарности. *Перевод А. В. Брюшинкиной и комментарий М. Ю. Загирняка осуществлены при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-*

did not derive the being of social entities from the relations between individuals, but believed that the status of the individual needed to be justified proceeding from the functional purpose of the entity (*ibid*., p. 193).

[11*] **Søren Kierkegaard** (1813—1855) articulated a similar idea in *Either/Or* (1843): "In incarnation, the full plenitude of life is in the single individual, and this is for the others only through their beholding it in the incarnated individual. […] The incarnated individual imbibes, as it were, power from all the others, and thus the fullness is in that one, and in the others only insofar as they behold it in this individual" (Kierkegaard, 1987, pp. 63-64). A German translation of this work was made in 1885 and may have been known to Gurvitch, as well as some of Kierkegaard's other works in which the theme of isolation is one of the main ones.

[12*] This book by **Henri Bergson** (1859—1941) was published in 1932. On closed and open societies see Bergson (1935, pp. 21-22, 229-231).

[13*] **Lucien Levy-Bruhl** (1857—1939), French philosopher and anthropologist, formulated the theory of the prelogical primitive mind that differed from the modern logical mind (Lévy-Bruhl, 1925, pp. 77-78) and presupposed the formation of the community on the basis of participation (shared mystical properties) (*ibid*., p. 76). Levy-Bruhl demonstrated that archaic societies where primitive thinking predominates use their own methods of community formation.

[14*] **[Briand-]Kellogg Pact,** a treaty initiated by the French Foreign Minister Aristide Briand and the US Secretary of State Frank Kellogg and signed by 15 countries on 27 August 1928, which ushered in a new era of international relations: war was no longer considered to be an adequate instrument of external policy.

Acknowledgements. *The translation by Anna V. Bryushinkina and the commentary by Mikhail Yu. Zagirnyak have been supported by the Russian Science Foundation, project № 22-*

28-20165 «Модели социабельности в неокантианстве русского зарубежья: синтез социологического номинализма и универсализма». Автор комментария и переводчик благодарят редакцию «The Journal of Philosophy» за разрешение на публикацию перевода и републикацию малоизвестного английского текста Г. Д. Гурвича. Автор комментария также выражает благодарность Н. А. Дмитриевой и И. О. Дементьеву за чрезвычайно полезное обсуждение и помощь в подготовке комментария.

Список литературы

Антонов М. В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013.

Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1994.

Голосенко И. А., Гергилов Р. Е. Георгий (Жорж) Гурвич как социолог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, №1. С. 21—31.

Гурвич Г. Д. Этика и религия // Современные записки. 1926. Кн. 29. С. 259—283.

Гурвич Г. Д. Социология права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. с фр. М. В. Антонова. СПб. : Изд-во юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 565—802.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. М. : Канон, 1996.

Загирняк М. Ю. Концепт соборности в философии права Г. Д. Гурвича // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 3. С. 34—49. https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-3-34-49.

Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М. : Академический проект, 2014.

Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. К. Пименовой, А. Фридмана. М. : АСТ, 2016.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с фр. Б. И. Шаревской. М. : Академический проект, 2020.

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб. : Владимир Даль, 2002.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М : Академический проект, 2013.

Antonov M. La théorie du droit de Georges Gurvitch et ses origines philosophiques russes // Droit et société. 2016. Vol. 94, № 3. P. 503—512.

28-20165 "Models of Sociability in the Neo-Kantianism of the Russian Diaspora: A Synthesis of Sociological Nominalism and Universalism". The author of the commentary and the translator thank the editors of The Journal of Philosophy for the permission to publish the translation and reprint the little-known English text of Georges Gurvitch. The author of the commentary also expresses his gratitude to Nina Dmitrieva and Ilya Dementiev for the extremely useful discussion and assistance in preparing the commentary.

References

Antonov, M., 2016. La théorie du droit de Georges Gurvitch et ses origines philosophiques russes. *Droit et société*, 94 (3), pp. 503-512. https://doi.org/10.3917/drs.094.0503

Bergson, H., 1935. *The Two Sources of Morality and Religion*. Translated by R. A. Audra and C. Brereton with the assistance of W. H. Carter. London: Macmillan and Co.

Blumer, H., 1936. Social Attitudes and Nonsymbolic Interaction. *The Journal of Educational Sociology*, 9(9), pp. 515-523. https://doi.org/10.2307/2262360.

Blumer, H., 1969. *Symbolic Interactionism; Perspective and Method*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Brown, J., 1936. *Psychology and The Social Order: An Introduction to The Dynamic Study of Social Fields*. New York & London: McGraw-Hill Book Co.

Cramer, R., 1986. Eléments biographiques et bibliographiques pour une étude de l'apport de Georges Gurvitch à la théorie et à la sociologie du droit. *Droit et société*, 4, pp. 373-380. https://doi.org/10.3406/dreso.1986.931

Durkheim E. *Division of Labour in Society*. 2nd Edition. Edited and with a new introduction by S. Lukes. Translation by W. D. Halls. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.

Faris, E., 1937. *The Nature of Human Nature*. New York & London: McGraw Hill Book Company Inc.

Geiger, Th., 1967. *Die Masse und ihre Aktion: Ein Beitrag zur Soziologie der Revolutionen*. Stuttgart: Ferdinand Enke.

Geiger, T., 1926. *Die Masse und Ihre Aktion; Ein Beitrag zür Soziologie der Revolution*. Stuttgart: Ferdinand Enke.

Golosenko, I. A. and Gergilov, R. E., 2000. Georgii (Georges) Gurvitch as Sociologist. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 3(1), pp. 21-31. (In Rus.)

Gurvitch, G., 1926. Ethics and Religion. *Sovremennye zapiski / Annales contemporaines*, 9, pp. 259-283. (In Rus.)

Blumer H. Social Attitudes and Nonsymbolic Interaction // The Journal of Educational Sociology. 1936. Vol. 9, № 9. P. 515—523. https://doi.org/10.2307/2262360.

Blumer H. Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1969.

Brown J. Psychology and The Social Order : an Introduction to The Dynamic Study of Social Fields. N. Y. ; L. : McGraw-Hill Book Co., 1936.

Cramer R. Eléments biographiques et bibliographiques pour une étude de l'apport de Georges Gurvitch à la théorie et à la sociologie du droit // Droit et société. 1986. № 4. P. 373—380.

Faris E. The Nature of Human Nature. N. Y. ; L. : McGraw Hill Book Company Inc., 1937.

Geiger Th. Die Masse und ihre Aktion: Ein Beitrag zur Soziologie der Revolutionen. Stuttgart : Ferdinand Enke, 1926.

Gurvitch G. Morale théorique et science des mœurs. Leurs possibilités, leurs conditions. P. : Félix Alcan, 1937.

Gurvitch G. Essai d'une classification pluraliste des formes de la sociabilité // Annales Sociologiques. Série A. Sociologie Générale. 1938a. № 3. P. 1—48.

Gurvitch G. Essais de sociologie: Les formes de la sociabilité: Le problème de la conscience collective. La magie et le droit. La morale de Durkheim. P. : Librairie du Recueil Sirey, 1938б.

Gurvitch G. Éléments de sociologie juridique. P. : Aubier, 1940.

Gurvitch G. Mass, Community, Communion // The Journal of Philosophy. 1941a. Vol. 38, № 18. P. 485—496. https://doi.org/10.2307/2017118.

Gurvitch G. Major Problems of The Sociology of Law // Journal of Social Philosophy. 1941б. № 6. P. 197—215.

Gurvitch G. Sociology of Law. N. Y. : Philosophical Library Inc., 1942.

Gurvitch G. Die gegenwärtige Lage der Soziologie und ihre Aufgaben // Soziologische Forschung in Unserer Zeit. Ein Sammelwerk Leopold von Wiese zum 75. Geburtstag / hrsg. von K. G. Specht. Köln : Westdeutscher Verlag, 1951.

Halbwachs M. Les causes du suicide. P. : Félix Alcan, 1930.

Halbwachs M. The Collective Memory. N. Y. : Harper & Row, 1980.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1967.

Litt Th. Individuum und Gemeinschaft. Grundlegung der Kulturphilosophie. Leipzig : B. G. Teubner, 1926.

Maciver R. Community: A Sociological Study. Being an Attempt to Set out the Nature and Fundamental Laws of Social Life. L. : Macmillan and Co., 1917.

Gurvitch, G., 1937. *Morale théorique et science des mœurs. Leurs possibilités, leurs conditions*. Paris: Félix Alcan.

Gurvitch, G., 1938a. Essai d'une classification pluraliste des formes de la sociabilité. *Annales Sociologiques. Série A. Sociologie Générale*, 3, pp. 1-48.

Gurvitch, G., 1938b. *Essais de sociologie: Les formes de la sociabilité: Le problème de la conscience collective. La magie et le droit. La morale de Durkheim*. Paris: Librairie du Recueil Sirey.

Gurvitch, G., 1940. *Éléments de sociologie juridique*. Paris: Aubier.

Gurvitch, G., 1941a. Mass, Community, Communion. *The Journal of Philosophy*, 38(18), pp. 485-496. https://doi.org/10.2307/2017118.

Gurvitch, G., 1941b. Major Problems of the Sociology of Law. *Journal of Social Philosophy*, 6, pp. 197-215.

Gurvitch, G., 1942. *Sociology of Law*. New York: Philosophical Library. Inc.

Gurvitch, G., 1951. Die gegenwärtige Lage der Soziologie und ihre Aufgaben. In: Karl Gustav Specht ed., *Soziologische Forschung in Unserer Zeit. Ein Sammelwerk Leopold von Wiese zum 75. Geburtstag*, Köln: Westdeutscher Verlag.

Halbwachs, M., 1930. *Les causes du suicide*. Paris: Félix Alcan.

Halbwachs, M., 1980. *The Collective Memory*. New York: Harper & Row.

Heidegger, M., 1962. *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.

Kierkegaard, S., 1987. *Either/Or*. Edited and translated with Introduction and notes by H. V. Hong and E. H. Hong. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Le Bon, G., 1895. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. London: T. Fisher Unwin.

Lévy-Bruhl, L., 1925. *How Natives Think*. New York: Knopf.

Litt, Th., 1926. *Individuum und Gemeinschaft. Grundlegung der Kulturphilosophie*. Leipzig: B.G. Teubner.

MacIver, R., 1917. *Community: A Sociological Study. Being an Attempt to Set Out the Nature and Fundamental Laws of Social Life*. London: Macmillan and Co.

Mauss, M., 1924. Rapports réels et pratiques de la psychologie et de la sociologie. *Journal de Psychologie*, 21, pp. 892-922.

Mauss, M., 1990. *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*. New York & London: W. W. Norton & Company, Inc.

Mead, G., 1934. *Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: University of Chicago Press.

Mauss M. Rapports réels et pratiques de la psychologie et de la sociologie // Journal de Psychologie normale et pathologique. 1924. Vol. 21. P. 892—922.

Mauss M. The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Company, Inc., 1990.

Mead G. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago : University of Chicago Press, 1934.

Rutkoff P. M. New School: A History of The New School for Social Research. N. Y. : Free Press; London: Collier Macmillan, 1986.

Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die Materiale Wertethik. Halle a.d.S. : Max Niemeyer.

Wiese L. System der allgemeinen Soziologie als Lehre von den sozialen Prozessen und den sozialen Gebilden der Menschen (Beziehungslehre). München ; Leipzig : Duncker & Humblot, 1933.

Wiese L. Das Soziale im Leben und im Denken. Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 1956.

Об авторе

Михаил Юрьевич ***Загирняк***, доктор философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4024-0044

О переводчике

Анна Владимировна ***Брюшинкина***, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ABriushinkina@kantiana.ru

Для цитирования:

Гурвич Г. Д., Загирняк М. Ю. Масса, сообщество, общность // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 133—159.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-7

© Гурвич Г. Д., Загирняк М. Ю., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)

Rutkoff, P. M., 1986. *New School: A History of The New School for Social Research*. New York: Free Press; London: Collier Macmillan.

Scheler, M., 1973. *Formalism in Ethics and Non-formal Ethics of Values: A New Attempt toward the Foundation of an Ethical Personalism*. Evanston: Northwestern University Press.

Tönnies, F., 2001. *Community and Civil Society*. Edited by J. Harris, translated by J. Harris and M. Hollis. Cambridge: Cambridge University Press.

Wiese, L., 1933. *System der allgemeinen Soziologie als Lehre von den sozialen Prozessen und den sozialen Gebilden der Menschen (Beziehungslehre)*. Munich & Leipzig: Duncker & Humblot.

Wiese, L., 1956. *Das Soziale im Leben und im Denken*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.

Zagirnyak, M. Yu., 2022. The Concept of Sobornost' in the Georges Gurvitch's Philosophy of Law. *Philosophy Journal*, 15(3), pp. 34-49. https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-3-34-49. (In Rus.)

The commentary is translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Mikhail Yu. ***Zagirnyak***, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4024-0044

To cite this article:

Gurvitch, G. and Zagirnyak, M. Yu., 2023. Mass, Community, Communion. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 133-159.

http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-7

© Gurvitch G., Zagirnyak M. Yu., 2023.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)